

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Социальный идеал Гуманизма

«... от исчерпавшего свой потенциал развития классического капитализма (на Западе) к некоему новому обществу, сущность которого и название которого пока довольно туманно именуют «информационным» или «постиндустриальным» обществом;

от общественной системы, именовавшейся в СССР «реальным социализмом» (с подлинным социализмом не имевшей, впрочем, ничего общего и бывшей на деле государственно-бюрократической формацией, трансформировавшейся затем в некую разновидность олигархического капитализма), к новому типу общественных отношений, в возможной (и желательной) перспективе – к Новому, гуманному, демократическому обществу, Обществу «реальному гуманизму».

В основе Нового общества, идущего на смену капитализму и бюрократическому псевдосоциализму лежат два базисных принципа: **новый тип собственности (отличный как от частно-капиталистической, так от «общественной» - на деле псевдообщественной - собственности «реального», т.е. бюрократического, социализма), и свободное время.** Тут надо приготовиться к восприятию теоретических тонкостей, к неспешному и вдумчивому проникновению в суть, в содержание используемых категорий и понятий.

Понятно, что «частно-капиталистическая» собственность – есть форма социального разделения людей, форма их «отчуждения» от деятельности, от ее результатов и друг от друга. Форма, в которой действуют «только частичные люди», отчужденные от своей сущности. И потому эта форма собственности не может лежать в основе будущей, гуманистической, общественной формации.

Труднее понять, почему «общественно-социалистическая» собственность не может стать основой грядущего общества

Гуманизма. Ведь «общая», «общественная» собственность вроде бы не разъединяет людей, а соединяет их. Тут все – по отношению к собственности - равны, все - собственники в равной мере. Тут каждый – собственник. А вот тут-то и загвоздка: не каждый! И дело даже не в том, что «общественная» собственность в эпоху реального социализма была на деле собственностью господствующего сословия - бюрократии, а трудящиеся реально были собственности лишены и являлись, по сути, «наемными работниками» государства (т.е. бюрократии).

А дело тут вот в чем. Форма собственности, осуществленная в Советском Союзе, с настоящей, с подлинно «общественной» собственностью не имела ничего общего. И дело не только в том, что право на распоряжение ею было узурпировано бюрократическим сословием (это – дело десятое), но что она и *по сути* своей, в принципе, не могла быть подлинно *общественной*, т.е. системой, где собственником является *каждый*. Почему?

Да, было провозглашено: частная собственность *упраздняется*, и отныне вся собственность становится *общей*, принадлежит *всем* гражданам. («Фабрики – рабочим, земля - крестьянам»!).

Но давайте попробуем представить себе это конкретно. Фабрика, например, «Большевичка», принадлежит работающим на ней ста, скажем, рабочим. Вы – один из этих рабочих. Вам, что, принадлежит *вся* фабрика? Вы, что, вправе ею самостоятельно и полноправно распоряжаться?

Нет, у Вас всего лишь одна сотая часть прав на эту фабрику. Да и ей, этой одной сотой, Вы распоряжаться по своему усмотрению не вправе, ибо эта *Ваша* часть никакой самостоятельностью не обладает, она не изымаема из всего фабричного комплекса. Она – лишь *часть* общего дела, общего процесса. Ну, в лучшем случае, Вы можете претендовать на получение дивидендов с этой своей «акции» в одну сотую «общей» собственности. Ну, скажите, разве в таком случае можно всерьез говорить, что фабрика принадлежит *Вам*? Это только в пафосной поэтической лирике можно провозглашать: «Фабрика – моя, дома – мои...».

А если к **тому** же получится так (как в реальной жизни советского общества и получилось), что фабрикой (формально - «Вашей») на деле распоряжается некая группа чиновников-управленцев, деятельность которых Вы со своей односотовой «акцией» (и своим четырех- или семиклассным образованием рабочего 30-40-х годов) просто не в состоянии контролировать, то «формально-общественная» собственность и вовсе превращается в «реально-бюрократическую».

Короче говоря, пока объекты собственности будут представлять собой материальные предметы – материальные средства производства, материальные продукты труда – никакая подлинно общественная собственность попросту невозможна.

Иначе говоря, подлинно *общественной* можно считать только такую собственность, когда **КАЖДЫЙ** (а не «группа товарищей») владеет, распоряжается и управляет **ВСЕМ**. И только в этом случае можно говорить, что **ВСЕ** владеют **ВСЕМ**. Владеют реально, а не на бумаге – то есть когда **ВСЕМ** владеет **КАЖДЫЙ** из этих «всех».

Каждый – всем! Вот, повторим, формула подлинно общественной собственности. Но что это реально означает? Как это можно представить и понять? Как это *каждый* (из ста рабочих) может владеть *всей* фабрикой? Каждый будет управлять ею, исходя из своих интересов? Будет сто разных программ? Сотня владельцев, «целиком» владеющих одним и тем же объектом? Да они так передерутся между собой, что гоббсовская «война всех против всех» покажется детской забавой. Ну, просто чепуха какая-то!

Да, чепуха получится, если речь пойдет о собственности на *материальные* средства труда, материальные продукты и предметы – здесь общественная собственность просто *невозможна*.

Она становится возможной (а приведенный выше тезис перестает быть чепухой), если экономика и производство достигнут того уровня, когда главной и всеобщей

производительной силой станет НАУКА. Когда производство станет НАУЧНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ.

Общественная собственность и есть, прежде всего, собственность на *эту*, ставшую главной, производительную силу – НАУКУ. Науку (в отличие от материальных средств производства) нельзя приватизировать. «Можно приватизировать, например, электростанцию», поясняет проф. **В.М. Межуев**, разработавший наиболее основательную версию общества гуманистического будущего, «но нельзя приватизировать теорию электричества». По этой причине Наука, по сути своей, и является «всеобщим достоянием», она «по природе своей принадлежит *каждому*». Каждый может брать из нее «по потребности». И взятое им нисколько не уменьшает общую сумму научного знания (то есть массу главной производительной силы). И все другие могут черпать из этой всеобщей кладовой «по потребности» - сколько их душе угодно. Наука (и шире – «культура, которая, наряду с наукой, включает в себя всё то, что служит средством производства самого человека, как «основного капитала», - искусство, образование, различные виды интеллектуальной и творческой деятельности, информационные системы, формы общения») – является «всеобщим достоянием», что и делает ее главным объектом реального обобществления. Это такая собственность, которая может принадлежать *каждому* без ущерба для других. И, следовательно, она не нуждается ни в каком дележе (см. «Социализм 21», с. 140, 138).

Иначе говоря, только достигнув высочайшей экономической зрелости, высочайшего развития производства (которое, как мы отметили, становится *научным* производством) – только тогда возможно становление действительно общественной собственности, только тогда можно всерьез говорить о становлении Нового общества.

В свете этого иначе, нежели в классической теории, видится логика перехода от капиталистического к этому Новому обществу. В марксистских кругах самых различных ориентаций – от

ультрареволюционных до сугубо реформистских, от «догматических» до «новаторских» - традиционно считалось (с соответствующими ссылками на Маркса), что крах капитализма, его историческая исчерпанность связаны, главным образом, с экономическими и финансовыми катаклизмами – «кризисом перепроизводства», «обнищанием пролетариата», невозможностью разрешить противоречия между производительными силами и производственными отношениями и т.п. Но жизнь показала, что (там же, с. 143) «все предсказания конца капитализма, основанные на экономических прогнозах подобного рода, ... оказались ошибочными». «Не экономический, а культурный тупик капитализма» заставляет теоретическую мысль искать выход из него – в направлении Нового общества, основанного не на «свободе» частной собственности (которая на деле не является «свободой» и которая исключает социальное и человеческое равенство людей), а на свободе и равенстве, основанными на «общественной собственности», собственности на главную производительную силу современного (постиндустриального) общества – науку, и шире – на всю культуру. В современном мире информационных технологий и экономической глобализации, пишет Межуев, становится очевидным более глубоким смысл идеи Нового, идущего на смену капитализму, общества, связанный с решением не столько технологической, сколько культурной задачи, стоящей перед человеком (там же, с.142). Характерно, продолжает проф. Межуев, что сегодня на Западе ширится поток литературы, «посвященный описанию и анализу культурного кризиса, порожденного современной цивилизацией», и главным проявлением этого кризиса «является предельная рационализация человеческой жизни, сужение до минимальных пределов свободного индивидуального выбора, полное подчинение индивида безличной власти социальных структур и информационных сетей. Будучи полностью «запрограммирован» этими структурами, человек утрачивает здесь личную связь с «вечными ценностями», заменяя их нормами и правилами корпоративной этики и делового партнерства. Экономическая выгода от такой стандартизации и

обезличивания жизни очевидна, но сама культура перестает быть в этой ситуации чем-то большим, чем просто средством бездумного потребления, развлечения и внешнего украшения» (там же, с. 143).

И далее Межуев, с которым я полностью согласен, разъясняет, в чем состоит глубинный, исторический смысл той общественной собственности, о которой он пишет. Не просто – в гигантском росте производительности труда (что, конечно, в Новом обществе произойдет, благодаря огромным возможностям научной производительной силы и энтузиазму людей, каждый из которых будет иметь возможность соединить работу «на себя» с работой «на других», на всё общество). Но, благодаря этому росту производительности, будет до минимума сокращаться «рабочее время», необходимое для производства продуктов жизнеобеспечения людей, и стремительно расширяться пространство **СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ**. Свободного – от давления экономической необходимости. Времени, позволяющего каждому свободно, по своему усмотрению, развивать свои способности, свободно «посещать» кладовые научного знания, закрома культуры и брать оттуда – «по потребности».

Свободное время – это, наряду с общественной собственностью, базовая ценность Нового общества. «Свободное время» превращается (там же, с. 151) «в меру общественного богатства (в том смысле, что чем его больше в обществе, тем оно богаче». А это, в свою очередь, «означает, что *таким богатством становится сам человек*». Ибо в свободное время человек производит не просто вещи или идеи, но через них (а то и помимо них) – *самого себя*, во всем богатстве и разносторонности своих связей и отношений с миром и другими людьми. «Свободное время позволяет ему разнообразить свой досуг, расширить кругозор, приобщиться к тому, что создано до него, существует в культуре, следовательно, в чем-то измениться, стать другим, по сравнению с тем, каким он был до сих пор» (там же, с. 152).

В условиях подлинно общественной собственности свободное время становится пространством формирования Нового Человека. И сейчас мы расскажем об одной из главнейших особенностей, главнейших черт этого Нового Человека – о чем развернуто повествует **Вадим Межуев**, подкрепляя свои идеи впечатляющими цитатами из работы своего единомышленника в этом вопросе Зигмунда Баумана «Индивидуализированное общество» (М., 2002). Размышления эти не слишком искушенному читателю могут показаться чересчур абстрактными, даже несколько «заумными», вроде бы уводящими от земных, реальных, современных социальных проблем в мир некоего философского «умничания». А между тем в этих размышлениях – изложение концепции в высшей степени земной, в высшей степени реалистичной. Не пожалейте, читатель, некоторых усилий, дайте себе труда вникнуть в нее. Ваши усилия, уверяю Вас, окупятся с лихвой.

«По выражению Баумана, - начинает свой разговор по заявленному сюжету Межуев, - культура есть «мост», связующее звено между временем и вечностью, конечным и бесконечным» (там же, с. 143). И следом – прямая цитата из Баумана, отличающаяся не только теоретически-стилистической красотой, но удивительной тонкостью и точностью изложения сути дела, сути того, что Бауман и Межуев именуют «культурой»: «Мы называем «культурой» как раз тот тип человеческой деятельности, который, в конечном счете, состоит в превращении неуловимого в осязаемое, связывании конечного с бесконечным, или, иначе, в строительстве мостов, соединяющих смертную жизнь с ценностями, неподвластными разрушающему влиянию времени» (Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 301).

Не исключено, что современный приземленный «реалист», исполненный даже самых лучших намерений по избавлению человечества от мира угнетения и эксплуатации, встретит эти пассажи Баумана-Межуева неким высокомерным сарказмом: надо готовиться к социальным баталиям, к борьбе «за освобождение человека», а тут предлагается какая-то пустая и высокопарная

риторика о «связывании конечного и бесконечного», о каком-то соединении «смертной жизни» с «вечностью»; с ЭТИМ-ДЕ ВЫ НЕ К современным борцам за народное дело обращайтесь, а к какой-нибудь декадентской публике, воспитанной на туманных образах Мережковского, Бальмонта, Северянина...

А между тем речь тут идет об очень земных и очень важных для земного человека вещах. «Соединение с вечностью» - это соединение индивида со *своей* историей, с протекшей историей человечества, породившей современность, породившей современного человека, это, таким образом, - соединение человека с *самим собой*, это – понимание самого себя, понимание того мира, в котором мы живем сегодня, это – осмысление того, кем мы, собственно, в своей сущности являемся. И второе: «соединение с вечностью» - это соединение не только с прошлым, с протекшей историей, но и с будущим. Поняв логику протекшей истории, осмыслив ее современный результат, мы, ведь, открываем вектор, ведущий в будущее – что мы, следуя своей познанной (в ходе изучения истории) сущности *должны* делать, какой мост в будущее мы должны строить, какую дорогу и к какому храму должны мы мостить сегодня. И вот в этом «движении-понимании» от Прошлого к Современности и от Современности к Будущему человек и обретает не сиюминутное существование, а, можно сказать, **бессмертие**. Тут и происходит соединение его сегодняшнего наличного бытия с протекшей и будущей историей.

Но современный мир, современные социальные условия «эпохи транснациональной экономики» резко ограничивают поле деятельности и мышления человека, загоняют его в узкий мирок «выживания», в узкий мир его деятельности в качестве винтика неподвластного ему экономического механизма, в социальный мир, где ему предписана лишь одна из ролей в деятельности, общий смысл которой неподвластен его пониманию. Вот почему, как считают Межуев с Бауманом, путь в вечность полностью перекрыт для современного человека, и ему остается только сосредоточиться на своей телесной и сиюминутной жизни» (там же, с. 144).

Да, мир Культуры, мир Вечного, мир Человеческого Бессмертия стучится в двери современности, и Современность не в состоянии остановить «просачивание» этого мира Культуры в современное общество. Но современное общество пытается деформировать этот враждебный ему мир Культуры, деформировать в соответствии со своими узкими горизонтами. Оно пытается «пересадить ее на новую и ранее чуждую ей территорию, на которой нет места прошлому и будущему, всему тому, что несет на себе печать вечного и непреходящего» (с. 144). Результатом чего является «отказ человека от жизни в истории, а в конечном счете и от своей творческой свободы», и, добавим, - от своей человеческой сущности, результатом чего является «обесчеловечивание человека».

Между тем, протекшая история и современность уже высветили тот социальный проект, те контуры Нового общества, которое способно решить задачу обретения Человеком своей подлинной сущности, задачу преодоления «отчуждения», задачу соединения Человека с протекшей историей и будущим, задачу соединения «сиюминутности» с «вечностью» - и тем создав предпосылки человеческого Бессмертия (как само собой из изложенного понятно – бессмертия не в физическом, не в физиологическом смысле, но не перестающим всё же быть *реальным* Бессмертием в культурном смысле - как, например, бессмертие Сократа, продолжающего с нами беседовать со страниц сочинений Платона, как бессмертие самого Платона и его ученика Аристотеля, принимающих самое активное «участие», вместе с Гегелем, Спинозой и Марксом, в наших круглых столах и семинарах).

Таковы основные черты Нового общества, идущего на смену Современности (т.е. - капитализму и государственно-бюрократической формации). Таковы главные характеристики Нового Человека, строящегося свою деятельность на основе «всеобщего труда, общественной собственности и свободного времени»).

Важно отметить, что эти черты, эти характеристики Общества Будущего не «придумываются» теоретиками, не берутся «из головы». Они *открываются*, как любил говорить Фридрих Энгельс, «при помощи головы» в реальной действительности – как существующие в ней объективные *тенденции*. Образ Нового общества и рождается из этих реально существующих тенденций. Их надо только увидеть, зафиксировать, оценить и экстраполировать в будущее.

Не в фантазиях ученого, а в развитии реально существующего старого строя - капитализма – начинается процесс постепенного внедрения науки («всеобщего труда») в производство. Это, в свою очередь, «приводит, во-первых, к упрощению непосредственного труда в рабочее время, во-вторых, к его замене умственным трудом, в-третьих, к сокращению рабочего времени, следствием чего как раз и является рост свободного времени. Вот так в *старом* социальном бытии начинает формироваться каркас *нового* социального здания: капиталистическое фабрично-заводское производство постепенно превращается в «научное производство», которое станет фундаментом Общества Будущего.

Ну, а теперь - к вопросу о названии этого Общества Будущего. Всё же видно, что новому содержанию тесновато в традиционной терминологии. Поэтому не только Межуев, но и другие авторы книги «Социализм 21» ищут термины, которые были бы более адекватны новым теоретическим построениям, которые совмещали бы в себе и новизну сути, и продолжение прежних терминологических форм.

Так, проф. Межуев постоянно чередует наименование Нового общества, называя его то «социализмом» («коммунизмом»), то *Пространством Культуры*. Он так прямо и формулирует: *Социализм – это Пространство Культуры*. То же – проф. Бузгалин. Он предпочитает говорить о социализме (коммунизме) как о *Царстве свободы*.

Я – тоже один из авторов упомянутой выше книги, и в своей статье в разделе «В порядке размышления» написал:

«А может быть сегодня есть смысл нам отказаться от именованя нашей стратегии деятельности термином «социализм»?»

Во-первых, уж очень он стал каким-то расплывчатым, обозначающим очень разные взгляды на социальную реальность и пути ее преобразования. Да, в середине XIX – начале XX века, если человек называл себя социалистом, всем было ясно, чего он хочет, к чему стремится. Это означало, что вы – противник мира капитала, друг трудящихся, сторонник общественной собственности и социального равенства. Если же сегодня вы называете себя «социалистом», то никому не будет понятно, кто вы: то ли подобно членам французской социалистической партии стремитесь усовершенствовать современный мир капитала, то ли подобно лидерам КПРФ тоскуете по «стабильным» и «светлым» сталинским временам, то ли вы разделяете устремления современной социал-демократии (этих «тоже-социалистов»); а, может, вам близки установки Фиделя Кастро или Уго Чавеса; а вдруг вы – страстный поклонник идей «великого кормчего» Мао или чуть менее великого, но тоже знаменитого и «глубокоуважаемого вождя» Ким Ир Сена (и его теории чучхе), а то, глядишь, и – лидера «красных кхмеров» Пол Пота. В общем, термином «социализм» вы не проясняете, а запутываете дело.

И во-вторых. И это обстоятельство даже более важно, чем первое. Термин «социализм» относится к той эпохе, когда на первом плане стояла задача преодоления капитализма. В XX – начале XXI века появилась принципиально новая задача – преодоление системы «бюрократического (казарменного) социализма», а затем и выросшей из него системы «бюрократического (номенклатурного) капитализма». Да, и та, и другая задачи, конечно, родственны. Они включают в себя примерно одинаковые ценности и цели. Но движущие силы антибюрократической борьбы, способы преодоления «бюрократического социализма» существенно отличаются от той борьбы, которая проходила и происходит в современном

капиталистическом мире. Борьба за «антикапиталистический» социализм не может не отличаться (и весьма существенно!) от борьбы за «антибюрократический» социализм. При всей родственности это всё же разные стратегии: для западного мира наиболее существенно движение от частной формы капиталистической собственности к доминированию собственности общественной, для России (эпохи «реального социализма») приоритетны задачи политической и экономической демократизации, позволяющие формально общественную собственность сделать реально общественной. И еще более специфичны будут формы преодоления нынешнего российского «номенклатурного капитализма» – они не могут не отличаться и от форм «антикапиталистической», и от форм «антибюрократической» борьбы.

Вот по всем этим причинам термин «социализм» сегодня частенько не проясняет, а затемняет дело. Он уже не ориентирует (как прежде), а дезориентирует.

Что же предложить вместо? Какой термин в большей степени служил бы самоидентификации современных борцов против капиталистического и номенклатурно-бюрократического миров?

Я предложил бы: «РЕАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ».

В нем, во-первых, фиксируется главная цель и главная ценность нового общества – ЧЕЛОВЕК. Этот термин указывает, что при строительстве нового общества речь идет в первую очередь не о росте материального богатства общества, и даже не о развитии его производительных сил (хотя и то, и другое, безусловно, важно), а об ОЧЕЛОВЕЧИВАНИИ деятельности людей, о ликвидации отчуждения человека – от орудий его деятельности, от процесса и целей труда, речь идет о превращении каждого человека (в органическом единстве с другими) в подлинного и всемогущего субъекта истории, о превращении «хомо экономикус» (т.е. «экономического человека») в «человека творческого», переставшего быть придатком

машины (при капитализме) или винтиком бюрократического механизма (при номенклатурных режимах); речь идет о знаменитом – со времен Маркса – «скачке из царства необходимости в царство свободы», о превращении каждого индивида из односторонне сложившегося «профессионального кретина» (Маркс) в универсально и всесторонне развитого Человека.

В этом термине, кроме того, заложена идея, созвучная нашему времени и современным возможностям, – а именно, что все формы человеческой деятельности и борьбы должны быть подчинены в первую очередь моральным требованиям. Нравственность должна доминировать над экономикой, политикой и правом. Образно говоря, речь идет о превращении экономическо-капиталистического и административно-бюрократического обществ в подлинно ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ сообщество. Нравственность, справедливость, гуманизм – вот главные движущие мотивы развития нового, грядущего общества. Добавим, что речь идет не просто об абстрактно-гуманистических настроениях и стремлениях, но о гуманизме, в полной мере учитывающем степень зрелости общества, масштабы потенциала сил, приступающих к его преобразованию, культурные традиции данного общества, его экономические, политические и правовые черты. Речь, стало быть, идет не о гуманизме благих пожеланий, но о гуманизме, замешанном на строгой социальной теории. Не о гуманизме бесплодных мечтаний, а о гуманизме выполняемом и абсолютно реалистическом. То есть о реальном гуманизме.

Мне этот термин нравится еще и потому, что он рожден в марксовской плавильной теоретической печи. Правда, употребил его немецкий мыслитель, по сути, лишь однажды, и хотя в очень серьезном, можно даже сказать, в программном контексте, но он, судя по всему, не придавал ему строгого категориального значения. У него этот образ носит скорее образный, нежели строго научный, категориальный смысл. Мы полагаем, что

сегодня у нас есть все основания перевести это марксово выражение из разряда «образов» в разряд строгих научных категорий.

А заимствование марковского термина, «перевод» его из второстепенных во всеопределяющий лишний раз продемонстрирует наше уважение к предшественникам и стремление подниматься на новый уровень теории, опираясь на предшествующий»

«Пространство культуры», «Царство свободы», «Реальный гуманизм» - это поиск наименований, которые могли бы дать более богатое и более адекватное представление о Новом обществе, идущему на смену капитализму и государственно-бюрократической формации. Поиск, в котором сохранялась и прежняя терминологическая традиция и обреталась бы новизна современного понимания социализма.

Описанная выше конструкция Нового общества («реального гуманизма», «царства свободы», «пространства культуры») – не слишком ли далекая это цель, не слишком ли эта конструкция оторвана от нынешней реальности, от насущных задач сегодняшнего дня? – спросит читатель.

Да, отвечу я, это – образ довольно далекого будущего. И можно со всей определенностью сказать некрасовскими словами – что, увы, «в это время прекрасное жить не придется ни мне, ни тебе». Думаю даже – ни нашим внукам и ни нашим правнукам. Всё так. И всё же не пустое это дело иметь общее представление о «лучшем» (пусть и очень далеко) будущем. Не пустое – ибо оно дает людям некий всеобщий ориентир движения в это будущее, проясняя общее направление исторического «ветра», фиксирует общую логику, общую направленность исторического процесса.

Это – как стрелка компаса, ориентирующая по странам света. Так, если хотите двигаться, например, в южном направлении, то и ориентируйтесь по направлению стрелки, указывающей на «Юг». Компас и указующая общее направление стрелка, конечно, не расскажут вам, какие препятствия, какие преграды встретятся на

пути вашего движения на «Юг», какие горы, реки, долины, овраги и обрывы встретите вы на своем пути и которые вынуждены будете обходить слева, справа, поворачивая временно «на Восток», «на Запад», а то и отступая назад, «на Север». Но двигаясь – под давлением внешних условий – такого рода зигзагами, вы должны будете, дабы не сбиться с пути, постоянно сверяться с показаниями вашего компаса, дабы снова и снова выходить на вашу генеральную дорогу, ведущую «на Юг».

Иначе говоря, при движении по неизбежно сложным, кривым, переплетающимся дорогам истории, вы обязательно должны иметь представление о вашем генеральном маршруте, об общих целях вашего движения, постоянно сверяя с ними свои сегодняшние шаги.

Ясно очерченные дальние цели (описываемые в вышеупомянутой «социалистической» парадигме) крайне необходимы для более эффективных ваших действий сегодня, здесь и сейчас.

Конвергенция прежних идеологий

«...от антагонизма либеральной и социалистической идеологий к их сближению и конвергенции»

Итак, общая логика всемирной истории: возникновение развитие (через противоречия) и снятие Отчуждения. Это, повторяю, *общая* логика. Ее непросто было выявить и описать. И заслуга в этом Гегеля, Маркса и их учеников из XX века – Ильенкова, Лукача, Батищева, Межуева – велика.

Но, пожалуй, еще труднее описать, определить, понять конкретное состояние (содержание) отчуждения в конкретную историческую эпоху. Отчуждения, проявляющегося во всей системе общественных отношений – в сфере экономики, культуры, политики, общественного сознания. И на основе этого понимания дать императивы, лозунги деятельности силам «прогресса» и «гуманизма». В эпоху Современности эту задачу пытались решать различные идеологии, среди которых особенно значимое место (в

особенности в XIX и XX веках) занимали соперничавшие между собой идеологии либерализма и социализма. Они стремились (каждая идеология по-своему) отражать Логику всемирной истории, в ее контексте – логику развития современных им общественных отношений, их современное состояние и перспективы их развития. Стремилась определить главных субъектов социального развития и выработать для них программу действий.

История либерализма и социализма, их исторического противостояния – сюжет для «очень большого рассказа», для не одной монографии. Мне хотелось бы здесь обозначить главную нить их истории, главные черты их современного состояния.

Вообще сущность этих идеологий в наикратчайшем виде зафиксирована их выдающимися представителями – либералом Людвигом фон Мизесом и социалистом Карлом Марксом.

Людвиг фон Мизес: «Программа либерализма, если выразить ее одним словом, будет читаться так: **собственность, т.е частное владение средствами производства...** Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального требования». («Либерализм в классической традиции»).

Карл Маркс: «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: **уничтожение частной собственности**». («Манифест»).

Как видим, - идеологии-антиподы. Противостояние – фронтальное. Когда и как они возникли, какие этапы прошло это их противостояние, что ждать от этого противостояния в будущем?

Они и возникли как антиподы, по-разному оценивающие реальность – процесс становления капитализма. Правда, либеральные теории были более теоретически разработаны. Социалистические – отличались импрессивностью, мечтательностью. Либеральные теории описывали то, что есть – реальность, ее суть, противоречия, ее реальные тенденции. Либерализм был прагматичен и реалистичен. Социалистические

теории, сталкиваясь с противоречиями реальности, строили планы, как от них возможно скорее избавиться, фантазировали насчет того, каким непротиворечивым, гармоничным и гуманным мог бы быть социальный мир. Социалистические авторы рисовали некие идеалы, в которых воплощались бы их мечтания о социальной гармонии, не задумываясь особенно над тем, есть ли социальные и культурные силы, способные и готовые эти их мечты осуществить. Им казалось: достаточно нарисовать красивую, увлекательную картинку будущего - и люди немедленно кинутся воплощать эту красоту в жизнь.

Классические либеральные теории (Джона Локка и Адама Смита, в первую очередь) описывали логику перехода от феодализма к капитализму. И базисным пунктом их теорий была защита свободно функционирующей частной собственности, освобожденной от феодальных пут. И главное – устранить вмешательство государства и чиновничества в движение частной собственности, реализующей себя в рыночной экономике. «Невидимая рука рынка» (А. Смит) всё сама отрегулирует; во всяком случае – лучше, чем государственная бюрократия. В общем – *laissez-fair, laissez-passer!* Практика, основанная на идеях либерализма, была громадным шагом в развитии производительных сил общества, политического и культурного социального прогресса. Либеральные теоретики раскрыли громадную прогрессивную роль буржуазных отношений в истории человечества и тем внесли существенный вклад в социальную науку. Можно сказать, что ими зафиксирован сделанный человечеством шаг вперед в направлении смягчения «отчуждения» (хотя классики раннего либерализма этот термин не употребляли).

Но буржуазный строй не был формой «снятия отчуждения», а лишь его (отчуждения) новой формой. Да - расширяющей возможности прогресса производительных сил и, на базе этого, - приоткрывающей новые возможности и перспективы гуманизации социума. И всё же отчуждение, особенно в форме эксплуатации лишенного собственности трудящегося человека, сохранялось. И

это состояние сохраняющегося «отчуждения» болезненно переживалось низшими классами. Работник оставался «частичным» человеком, эксплуатируемым, униженным существом. Что и фиксировали гуманно настроенные люди того времени (социалисты, в первую очередь). Им хотелось, чтобы прогресс не сопровождался такими тяжелыми чертами. Тогда-то они и принялись сочинять общество, где частная собственность заменялась бы общественной. Общество, где не «невидимая рука рынка» регулировала бы экономические отношения, а государство, и где рыночная экономика сменялась бы плановой. В общем – общество, как сказали бы сегодня, без отчуждения.

Ведь исходным было их лобовое противостояние: вспомним: императивы Томаса Мора и Джона Локка, в которых либерализм и социализм предстают, как **абсолютные идеологические антиподы**:

1. Частная собственность (Локка) против общественной собственности (Мора)
2. Стихия свободного рынка (Локка) против плановой экономики (Мора)
3. «Минимальное» государство (Локка) против государства «во всём» (Мора)
4. «Свобода» (Локка) против «равенства» (Мора)

Как оценить эту фазу противостояния двух идеологий?

Не может быть никаких сомнений, что либеральные теории той поры несравненно содержательнее, несравненно реалистичнее и научнее социалистических. Они давали теоретическое обоснование, теоретическое оправдание процессу перехода человечества от феодальных отношений к капиталистическим. Они мощно стимулировали экономический (да и культурный) прогресс общества. Правда, они не уделяли слишком большого внимания тому, как чувствуют себя в условиях капитализма люди из низших социальных слоев: много ли им перепадает из этого бурного экономического прогресса. Ими подчеркивалось (и справедливо!), что даже эти низшие социальные слои получали определенные

выгоды от смены феодального строя буржуазным: бесправный, крепостной работник феодального общества становился лично свободным, свободным (хотя и наемным) работником, получал определенные политические права и возможности культурного роста. Что же касается его зависимого экономического (а вследствие этого и политического) положения, то иначе, подразумевалось, просто нельзя. Ликвидировать частную собственность и осуществить «всеобщее равенство» - значило бы разрушить все стимулы общественного развития.

А вот их антиподы, социалисты, обращали свое внимание как раз на эти страдающие слои. Они взывали быть неравнодушными к судьбе людей из этих слоев. Они не давали обществу успокоиться, они будоражили его. И в этом была их громадная историческая заслуга. Да, экономически и политически их проекты и императивы были неосуществимы, а подчас и просто реакционны, ибо силились прервать восходящий (хотя и противоречивый) исторический процесс. Пытались перепрыгнуть исторически неизбежные этапы развития, подменив социальные законы субъективными мечтаниями. Да и просто произволом (хотя и выглядевшим вроде бы очень гуманистичным). Да, проекты ранних социалистов были утопичными, неосуществимыми. Но – *не бессмысленными и не бесплодными*. Они развивали – пусть не экономическую, пусть не политическую – но морально-нравственную культуру общества. Будили его совесть. Хорошо сказал однажды Энгельс: «Ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле».

Этой истиной во всемирно-историческом смысле и был ранний социализм – социализм Мора, Кампанеллы, Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Они предсказывали возможность устранения эксплуатации (т.е. - снятия отчуждения). Они зажигали – пусть далекие – но маяки, на свет которых могли ориентироваться гуманистически настроенные люди. Они способствовали развитию, наращиванию Человеческого капитала, они создавали нравственное богатство

общества, тот нравственный задел, который может сыграть большую роль на более поздних этапах человеческой истории.

Так что развитие идей «очеловечивания», идей гуманизма происходило в рамках обеих идеологий. Хотя и по-разному. Практика либерализма способствовала смягчению отчуждения путем наращивания материальных благ, производительной силы человека. Социалистическая теория стимулировала духовное, нравственное, культурное развитие общества. В общем, обе идеологии освещали и развивали разные стороны гуманистического процесса и гуманистической теории, в рамках которой и будет происходить процесс их сближения.

В XIX веке социалистические идеи всё больше утрачивают черты утопизма. Всё больше превращаются в *реалистическую* стратегию социальных преобразований. Ибо капиталистический социум, развивавшийся в контексте либеральных теорий, выходит на рубежи, когда «очеловечивание» (смягчение, а в перспективе – уничтожение эксплуатации) низших сословий и классов становится *реальной* возможностью (а то и просто необходимостью, с точки зрения успешного социального развития). Что и было зафиксировано марксистским социализмом.

Хотя противостояние либерализма и социализма продолжается, но меняется его формат. Если раньше это было противостояние *реалистического* либерализма и *утопического* социализма, то теперь - это противостояние двух *реалистических* концепций (хотя и по-разному *реалистических*).

А в XX веке происходит новый поворот в их историческом споре. Социальная практика XX столетия начинает рушить основополагающие принципы классической либеральной теории. Выясняется, что «невидимая рука рынка» больше не является удачным регулирующим фактором. «Свободный рынок», рыночная стихия порождает всё более глубокие, всё более масштабные кризисы – вначале экономические, а потом и общесоциальные. Наиболее трагическое проявление этого кризиса – Первая мировая война. Свободная рыночная конкуренция, сопровождавшаяся

поначалу демократизацией общественной жизни, породила могучих монополистических хищников и их жестокую схватку на мировой арене, стоившую человечеству 10 миллионов жизней.

Первая мировая война и всеобщий, глобальный кризис 20-х годов ясно засвидетельствовали, что оптимизму и реализму классического либерализма (от Локка и Смита до Людвига фон Мизеса) пришел конец. Что громко и безапелляционно зафиксировал один из виднейших теоретиков либерализма Джон Кейнс в своей работе 1925 года «The End of Laissez-fair», то есть: **Конец** того старого прекрасного либерализма, императивы которого были когда-то сформулированы Локком и Смитом. И развернуто, масштабно – в работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) - о «регулируемой» государством и обществом рыночной экономике, которая у Кейнса перестает быть «свободно-рыночной», «стихийно-рыночной», постепенно превращаясь в экономику «планово-рыночную». «Новый либерализм» Кейнса начинает включать в себя целый ряд императивов и ценностей, присущих социалистической идеологии. «... посткейнсианство, - пишет профессор Солтан Дзарасов, - объективно оказывается ближе к марксизму и социализму, чем к либерализму и капитализму», а «вектор этого движения... задал сам Кейнс своим посягательством на неоклассические постулаты. Наиболее убедительное подтверждение верности этого утверждения мы находим в государстве благосостояния (Welfare State). Его идейными вдохновителями были Джон Кейнс, давший ему теоретическое обоснование и William Beveridge (1879-1963), разработавший прикладные аспекты перехода к такому государству в развитых странах. Оба были либералами, а предложенные ими идеи, по существу, социалистическими и осуществлены в Англии лейбористами, а в континентальной Европе – социал-демократическими партиями»¹.

И – движение навстречу – с другого полюса: 1921 год – введение НЭПа.

¹ Дзарасов С. Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012. С. 196.

Ленин: «Мы вынуждены признать **коренную** перемену **всей** точки зрения нашей на социализм».

Что это значит? В чем состоит эта перемена?

- допущение разных форм собственности, сопряжение общественной и частной
- сочетание рыночной стихии и плана
- ограничение вмешательства государства в экономику
- поддержка духовного (и политического) плюрализма
- равенство, не разрушающее свободу

Возникают, иначе говоря, «**Конвергентный либерализм**» (Кейнса) и «**Конвергентный социализм**» (в духе нэповского социализма Ленина).

Показательно и симптоматично, что эти два выдающихся теоретика «заметили» и «отличили» друг друга – об этом пишет в своей блистательной книге лучший в отечественной литературе знаток Кейнса Солтан Дзарасов: «... Ленин был первым из руководителей европейских стран, кто обратил внимание на упомянутую книгу Кейнса². Несмотря на предвзятую оценку автором русской революции, Ленин в ряде выступлений, в том числе с трибуны второго съезда конгресса Коминтерна, где присутствовали левые партии основных стран мира, воздал должное объективности данного там анализа корыстного характера решений держав-победительниц о послевоенном устройстве Европы. «Никто не описал так хорошо Версальского договора, —

² Речь идет о книге «Экономические последствия Версальского договора», в которой, как отмечает Дзарасов, Кейнс «встал на позиции решительного осуждения насильственных способов решения проблем как несправедливых и недальновидных». «Это ясно проявилось во время Парижской мирной конференции 1919 года по итогам Первой мировой войны, когда Кейнс в роли эксперта входил в состав английской делегации. В знак несогласия с проектом послевоенного устройства, в котором победители навязывали побежденным мир с миной, чреватой новым вселенским взрывом, Кейнс покинул конференцию и свою позицию изложил в вскоре вышедшей книге «Экономические последствия Версальского договора».

Эту книгу, принесшую ее автору широкую международную известность, надо рассматривать как показатель особой пронительности Кейнса, способности видеть то, что не видят другие. В то время главы держав-победителей — Англии, Франции, Италии и США — решили воспользоваться своим положением, чтобы исключить революционную Россию из решения европейских дел, а с побежденной Германией содрать как можно больше репараций, Кейнс отчетливо указал на близорукость такой дискриминационной и алчной политики. Если мы, писал он, «сознательно будем стремиться к истощению Центральной Европы, то я предсказываю, что отмщение не заставит себя долго ждать» (Кейнс, 1993, с. 50.) Вскоре так и случилось. Несправедливости Версальского мира, породившие недовольство немецкого населения, вскормили гитлеровский нацизм, принесший миру неисчислимые страдания». Дзарасов С. Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012. С. 23.

говорил Ленин с этой трибуны, — как это сделал в своей книжке Кейнс» (Ленин, ПСС, т. 42, с. 67). Позднее Ленин предложил советским издателям отбирать и публиковать на русском языке некоторые книги. «Как образец, — добавил Ленин, — может служить книга Кейнса «Экономические последствия мира» (Ленин, ПСС, т. 51, с. 241)»³.

«Кейнс тоже отвечал Ленину взаимностью. Вступив в переписку с Лениным, он предлагал ему выступить на страницах редактируемой им газеты «Нация» с изложением своих взглядов. К сожалению, по причине наступившей болезни Ленин этого не смог сделать»⁴.

Желающим понять значение учения Кейнса для мировой социальной теории и современной политической практики я рекомендовал бы обратиться к книге Солтана Дзарасова.

А о «конвергентном социализме» и значении в этом плане идей Ленина – нет ничего лучшего, чем работы Юрия Буртина. Не будет преувеличением сказать, что в них, в этих работах, Юрием Григорьевичем Буртиным разработан собственный, в высшей степени плодотворный вариант, теории конвергенции.

Сам Юрий Григорьевич, добросовестнейший и щепетильнейший, отдавал тут пальму теоретического первенства Андрею Дмитриевичу Сахарову. Об этом свидетельствовал и подзаголовок его программной статьи «Россия и конвергенция» - «Идеи Сахарова вчера, сегодня, завтра». Не смею оспаривать эту точку зрения Юрия Григорьевича, но не могу не сказать, что у Андрея Дмитриевича то были всё же лишь некие наброски, соображения, фрагменты. Содержательные, глубокие, важные. Но стройной, целостной, основательно разработанной, связывающей историю и современность, *концепцией* они стали только под пером Ю.Буртина.

Именно Ю.Буртину принадлежит *социально-философская* идея разделения эпох мировой истории на «доконвергентную» и

³ Там же. С. 26-27.

⁴ Там же. С. 27.

«конвергентную», *им* разработана *социально-политическая концепция* различения обществ «конвергентного» и «доконвергентного» типа, *им* введены в научный оборот *политологические и социально-политические* категории «доконвергентного» и «конвергентного» капитализма (соответственного – «доконвергентного» и «конвергентного» социализма), *он* дал оригинальную трактовку идеи их (капитализма и социализма) исторического движения навстречу друг другу, их сближения и сопряжения, и в перспективе – формирование нового общественного строя (что-то вроде «капитализма-социализма», или что то же самое – «социализма-капитализма»).

Все эти теоретические наработки и обусловили конкретность и глубокую содержательность ответа Ю. Буртина на вопрос «Что делать?» гуманистически и демократически ориентированным людям в условиях современной России. Вот как он шел к этой, всё большей, конкретности.

«Номенклатурный капитализм» (так определял Буртин общественный строй, сложившийся в России в конце XX столетия), согласно Буртину, это один из вариантов «доконвергентного капитализма» (т.е. «обнаженно классового общества, с резким разделением на богатых и бедных, с жестокой эксплуатацией меньшинством населения его огромного большинства, с полярной противоположностью «верхов» и «низов», их взаимной подозрительностью и злобой» – в общем капитализм, каким он был на ранних стадиях своего развития, например, в эпоху первоначального накопления, или в эпоху, описанную в «Капитале» Маркса). Он пришел на смену доконвергентному (же) социализму – тому «реальному социализму», который имел мало общего с социалистическим идеалом, начертанным основоположниками марксизма:

«В самом деле, - пишет Буртин, - провозгласили диктатуру пролетариата – получили диктатуру партаппарата. Поставили целью бесклассовое общество – оно обернулось безраздельным господством «нового класса», партийно - советско - ведомственной

номенклатуры. Национализировали всё и вся, заменили частную собственность «общенародной» она быстро стала фактическим достоянием той же номенклатуры, правда, коллективным и анонимным. Объявили о прекращении эксплуатации человека человеком – и создали режим, при котором колхозник мог завидовать своему крепостному предку, потому что нёс тяготы барщины (на колхозном поле) и оброка (со своего приусадебного участка) одновременно, труд же рядовых рабочих и служащих оплачивался в несколько раз ниже реальной стоимости их рабочей силы. В противовес капиталистической анархии производства строили высокорациональное плановое хозяйство – получили экономику всеобщей бесхозяйственности, чудовищно перекошенную, безумно расточительную и неэффективную». И к середине 80-х, что совершенно естественно, «реальный (доконвергентный) социализм» оказался в историческом тупике, из которого формой прогрессивного выхода мог быть только переход к конвергентному обществу. Не столь даже важно – социалистического или капиталистического типа, ибо конвергентный капитализм и конвергентный социализм не антиподы, а родственные системы, ибо в них - в тех или иных пропорциях - сочетаются капиталистические и социалистические черты и ценности, что и составляет определяющую черту конвергентности. Правда, для России того времени, отмечает Ю.Буртин, больше подходил вариант конвергентного *социализма* – к этому толкали традиции общественного сознания той эпохи, бывшие в массе своей социалистическими. Но вместо этой прогрессивной возможности осуществилась другая: страна перешла ... даже не к конвергентному капитализму, а к капитализму *доконвергентному*. То есть она не сделала шаг вперед, а, по выражению Буртина, просто «перевернулась на другой бок», оставшись на том же самом тупиковом и бесперспективном месте.

Но не утопия ли это конвергентное общество? – вопрошает Буртин. И отвечает: Ни в малейшей степени! Целый ряд западных стран демонстрирует такую возможность. Да, и в российской истории, в традициях российской социально-политической мысли

подобный вариант развития, как подробнейшим образом выяснил Ю.Буртин, в той или другой степени предусматривался. И в первую очередь, как это ни покажется ошеломляюще-странным для идеологов всех фракций современной политической «элиты» (от Зюганова до Немцова с Явлинским), такой вариант развития страны был разработан... **Лениным**.

Нет нужды пересказывать этот феноменальный по глубине и тонкости буртинский анализ знаменитого поворота Ленина (в начале 20-х годов) от традиционных версий социализма (по терминологии Буртина – «доконвергентного») к принципиально новым («конвергентным»). Всё это вы сами прочитаете в статье «Другой социализм». Я не хочу своим пересказом лишать вас удовольствия самим познакомиться с оригиналом. Замечу только: надо было обладать не только исключительным даром теоретического и политического ясновидения, но и поистине Буртинской доблестью, чтобы – безупречному и неоспоримому для всех демократу – пойти против течения и столь высочайшим образом оценить теоретические искания вождя Октября.

Я предсказываю, господа-товарищи: в историю образ Ленина войдёт не в красно-коричневой оправе сталинского «Краткого курса» и не фотографией, заплеванной нашими доморощенными либералами. В историю Ленин войдёт портретом, написанном кистью Юрия Буртина, портретом со сложной игрой теней и света. Войдёт политическим мыслителем и практиком, одна часть идей которого (при определенных исторических условиях) будет подхвачена и в упрощённом до предела виде реализована в чудовищной практике сталинизма. Другая же часть идей (причем, что очень важно отметить, - идей, венчающих ленинскую деятельность и составляющих, по сути, его Завещание потомкам) – будет теорией решительной и беспощадной борьбы с теорией и практикой «доконвергентного социализма», будет историческим приговором всем Сталиным всех времен и народов. Не случайно с особой злобой, с особой жестокостью расправился Сталин с теми, кто попытался поднять и понести дальше знамя новой теории,

слишком рано выпавшее из рук творца «нэповского социализма» - с Рыковым, Томским, Рютиным, Бухариным, Красиным...

Ленинская концепция «другого социализма» должна (наряду с неолиберальными идеями «другого либерализма» и основанной на них практикой ряда стран Запада) должна, по твёрдому убеждению Ю.Буртина, стать сегодня одним из важных теоретических истоков при ответе на вопрос «Что делать?».

За какой из вышеназванных «конвергентных теорий» будущее? Это предмет дискуссий.

Один из возможных вариантов: Встреча на теоретической «Эльбе» конвергентного либерализма и конвергентного социализма. Произойдет, скорее всего, не слияние их в одну идеологию, а - дружеское соревнование (чередование во власти) – демократического конвергентного либерализма и демократического конвергентного социализма. Сложится биполярная идеологическая и социально-политическая система.

И будет социальный корабль покачиваться между двух неантагонистических курсов. И такой, зигзагообразный, путь будет эффективней прямолинейно-одностороннего.

И это будет важной составляющей пути к той идеологии (и основанной на ней социальной системе), которую я назвал «Реальным Гуманизмом».

Но и Конвергентная социально-политическая система, и тем более общество Реального Гуманизма – это всё же весьма отдаленное будущее. А что же сегодня? Это что – реальные, реалистические стратегии, или, как и многие их теоретические предшественники, - симпатичные, но утопические прожекты? Для такого вопроса есть серьезные основания.

Ведь возникли эти «конвергентные теории» в 20-х годах прошлого века, почти сто лет назад. Ну, и что же они, такие «реалистичные», такие «гуманные», с таким потенциалом «демократизма», не стали до сих пор реальностью? Или всё же в какой-то степени реализовались?

Судьба «конвергентных теорий» на Западе и в России

На Западе...

Ну, тут как будто бы немало реализовано из рекомендаций Кейнса и развивавших его идеи учеников-кейнсианцев – в Новом курсе Рузвельта, в странах послевоенной Западной Европы. Вот, на вскидку, небольшая (но весьма показательная) выборка фактов и цифр.

Расширилось участие государства в экономических процессах, и серьезно возросла роль государственной собственности в экономике, и планирование-программирование стало весомым и весьма значимым компонентом хозяйственной деятельности. В Швеции, например, в 70-е годы XX века свыше 65% общественного продукта создавалось в государственном секторе. От 30 до 40% составляла доля государства в национальном богатстве страны в Великобритании, Франции, ФРГ, от 10 до 20% - в Японии и США. Именно 70-е годы отмечаются как пиковые в развитии государственной собственности. Повышается удельный вес кооперативной собственности. Особой популярностью пользуется акционерная форма собственности. В США акциями владеет свыше 30% взрослого населения, в Англии - свыше 20%. Во Франции в 80-е годы в государственном секторе занято 10% населения, в нем производилось 12,7% добавленной стоимости. В Англии в национализированных отраслях более 10% ВВП и занято 10% населения. В Австрии в 80-е годы доля государственного сектора ВВП=30%, В Финляндии 15%. Государственные металлургические предприятия Австрии производят 98%, Финляндии – 70%, горнорудной соответственно 98 и 100%, нефтяной – 91 и 89%.

Всё это, в свою очередь, способствовало более «справедливому» распределению общественного богатства среди граждан (о чем как будто бы ясно свидетельствуют и «децильные коэффициенты» и «индексы Джини» в странах Запада).

Самый низкий децильный коэффициент (соотношение доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных) — в

скандинавских странах Дании, Финляндии и Швеции — 3—4. В Германии, Австрии и Франции этот коэффициент варьируется от 5 до 7. Экономисты считают оптимальным соотношение от 5 до 7. В 2007 году глава Института экономики РАН [Руслан Гринберг](#) заявил: Как только децильный коэффициент достигает 10 - в стране появляются условия для социальных беспорядков. Как видим, в названных странах далеко до «10», и стало быть серьезных «социальных беспорядков» ожидать не приходится!

Коэффициент Джини (используется для иллюстрации распределения доходов внутри государства. В случае полного равенства доходов населения коэффициент равен 0, при абсолютном неравенстве – 1). Значения коэффициента Джини: 0,21 - в Швеции, 0,24 - в Исландии, 0,25 - в Дании, 0,25 - в Норвегии и 0,26 - в Финляндии. В Японии, Великобритании, Германии, Испании, Франции, Португалии коэффициент Джини составляет в среднем около **0.35**. Для сравнения: к странам, у которых индекс Джини имеет высокое значение (от **0.45 до 0.6**), относятся Россия, Венесуэла, Бразилия, Гватемала, Намибия, Сальвадор, Боливия, Гаити и Зимбабве.

И социал-демократы (вполне «конвергентные» товарищи!) – у власти во многих западно-европейских странах. Английский журнал "Экономист":_"В наши дни (1997-1998 годы) из-за горизонта европейской политической жизни лишь кое-где выглядывают одинокие консервативные души. По всему Европейскому Союзу избирателей привлек к себе магнит новых левых, благодаря чему модернизировавшиеся *социалисты и социал-демократы* пришли к власти в 11 из 15 стран ЕС, лишив партий правее центра прежней притягательности, силы и влияния".

В общем, Дело как будто бы только за Россией: подтянись она к Западному, «конвергентному», обществу – и воцарится на мировой арене «всемирная конвергентность» - Мир, Дружба, Гуманизм!

Если бы так!..

Я очень сомневаюсь, что все эти симпатичные «индексы» и «коэффициенты» - исключительно результат политики

кейнсианского типа. Хотя и не сомневаюсь, что какое-то влияние эта политика на «коэффициенты» оказала. Но...

Но так ли уж не прав, например, министр финансов Индии Йашвант Симх, заявивший, что "север гребет под себя не только наши ресурсы, но и наши мозги, нашу интеллектуальную элиту", что США, к примеру, ежегодно «всасывают» для внутренних нужд примерно одну треть мировых запасов полезных ископаемых; при этом население США составляет чуть менее пяти процентов населения Земли? И не являются ли подводной частью айсберга симпатичных децильных коэффициентов Западных стран гораздо менее симпатичные коэффициенты соотношения доходов людей стран «золотого миллиарда» и людей за пределами этого «золотого миллиарда»? Так, к началу XXI века разрыв в среднедушевом ВВП между богатой и бедной частями человечества достиг 15,4 тыс. долларов, увеличившись за период с 1960 года по 2000-й год в три раза. В 1960 году 20% богатого населения имело 70% от всего мирового дохода, к 2000 году эта цифра достигла 90%. Самые бедные 20% населения мира в 1960 году имели 2,3% планетарного экономического дохода, в 2000-м году они имеют менее чем 1,1%. В 1960 году 20% самых богатых людей мира получали доходов в 30 раз больше, чем 20% самых бедных людей, то к 2000-му году это соотношение увеличилось до 60 раз. В 60 раз! А, как вы помните, знающие экономисты нам говорили, что если возникает разрыв в «10 раз» - то это преддверие социальной катастрофы. А тут – в 60 раз! Не слишком ли шаткие «социальная стабильность» и экономическое «благополучие» стран богатого Запада? И насколько справедливо такое устройство мира, когда 80% мирового ВВП присваивается 24 странами, в которых проживает 14,5% мирового населения; и лишь 5% - 45 странами с 55% мирового населения. Любуемся коэффициентами Дании: децильный – 3-4, Джини – 0, 25 – какое замечательное «равенство» в «датском королевстве»! Но вот нам сообщают: 5% *самых бедных* датчан богаче, чем 5% *самых богатых* граждан Мали.

И, наконец, классический децильный коэффициент современного мира: сегодня на долю 10% самых состоятельных жителей планеты, сообщают нам вполне квалифицированные статистики, приходится 42% всего мирового богатства, в то время как 10% беднейших людей владеют менее чем 1%. При этом, добавляю, далеко не радужные перспективы экономики с трудом позволяют надеяться на существенное изменение ситуации в ближайшее время. Разрыв – 42 раза, без надежды на сокращение!

В общем, не будем заблуждаться: до действительной реализации гуманистических идей Кейнса в Западном мире – еще очень и очень далеко. Они в принципе не могут быть реализованы в рамках отдельной страны или даже региона развитых стран. Только на мировой арене. Только в масштабе всего мира. Только когда установится страновое относительное равенство на международной арене. Только когда мировой децильный коэффициент будет не более 3-4. И путь к этому коэффициенту долог, труден. И какие только грозные опасности не встретятся на этом пути!

Теории конвергенции в СССР-России ...

1. Сталинизм: отход от ленинских идей нэпа. Альтернатива: «Конвергентный социализм» или «доконвергентный» казарменный коммунизм? Бухарин или Сталин?

2. Возрождение (в теории) нэповских идей в брежневский период: Татьяна Заславская, Андрей Сахаров, Юрий Буртин, Геннадий Лисичкин, Отто Лацис, Александр Волков...

3. Сегодня: Солтан Дзарасов, Георгий Цаголов...

Особенно важен пункт первый. Разбором его в этой статье (и так чересчур разросшейся) мы, главным образом, и ограничимся. Почему на рубеже 20-30-х годов победила не демократически-гуманистическая альтернатива (развивавшаяся Н.И. Бухариным на основе ленинских идей нэпа), а политическая линия, связанная с абсолютизацией насилия и принуждения; линия, провозглашающая некое «усиление социально-классовой борьбы по мере

продвижения страны к социализму» (что, в частности, служило обоснованием разрастающегося вала репрессий 30-50-х годов)? Почему, наконец, сложилась не система народной демократии и гуманизма (прокламировавшаяся Бухариным), а диктатура бюрократии, да еще в самой жесткой, жестокой, террористической форме? И последнее: реальна ли, оправдана ли в современных условиях борьба за осуществление идей «демократического, правового социализма» и «реального гуманизма» (разработка которых была начата Лениным в эпоху нэпа и продолжена Бухариным после смерти вождя большевиков)?

О необходимости коренной перемены взгляда на социализм

Зрелый Бухарин начинает с того, чем закончил Ленин. Он настойчиво сосредотачивает наше внимание на «необыкновенно смелой, яркой, отчетливой и необычайно энергичной», высказанной «со всей суровой и страстной политической энергией» «формулировке» Лениным главного вывода из практической и теоретической деятельности большевиков: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения на социализм»⁵.

Этот тезис Ленина был ошарашивающим и парадоксальным. Как это «переменить»? И причем не какое-то отдельное положение, а «всю» (!) точку зрения на социализм. Мало кто тогда понял и кто воспринял эту ленинскую мысль. Что это значит? Пересматривать «всю» Марксову теорию, под знаменем которой боролись многие годы? Отодвинуть в сторону «Манифест коммунистической партии», «Капитал», «Критику Готской программы»? А вместе с ними – и ленинские «Что делать?», «Государство и революцию», всю стратегию революционной борьбы, завершившуюся победным Октябрем 17 года? И что вместо?

Сам Ленин едва-едва начал этот «коренной пересмотр», успел наметить только общее направление размышлений на сей счет, высказать несколько первоначальных, конкретных (хотя и чрезвычайно ценных) рекомендаций к логике такого «пересмотра».

⁵ См. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 422.

Но после его смерти все эти заветы и рекомендации зависли в воздухе...

Единственным марксистским теоретиком, *единственным* из всех лидеров партии, кто подхватил эти ленинские идеи, кто всерьез приступил к реализации ленинского завета о «коренном пересмотре» взгляда на социализм был Николай Иванович Бухарин. В статьях 1925-1929 годов (главные среди которых – «Путь к социализму...», «Политическое завещание Ленина» и «Записки экономиста») и была развернута бухаринская версия нового взгляда на социализм. В ней он итожит идеи последних работ Ленина, видя в них «последнее, самое мудрое, самое взвешенное слово», «самую продуманную директиву»⁶, данную Ильичом своим соратникам и ученикам.

И начинает Бухарин эту свою работу с осмысления идей ленинской статьи «О нашей революции», которую он называет «одним из самых оригинальных и самых смелых творений». В чем же он видит ее «оригинальность» и «смелость»?

Нет, в ней не «отодвигаются» в сторону ни «Манифест», ни «Капитал». Они остаются для Ленина (и Бухарина) общетеоретическим, общеметодологическим и общефилософским фундаментом социально-преобразовательной стратегии. Но в разработанную в этих трудах **революционную** стратегию, в описанные в них пути движения к новому («социалистическому», «коммунистическому») обществу должны быть внесены весьма существенные коррективы. Во-первых, нужно ясное осознание того, что главные положения революционной теории Маркса ограничены (как, кстати, об этом писал в конце своей жизни сам Маркс – в письме Вере Засулич) западноевропейским пространством. И потому нельзя просто «прилагать» их общие принципы к ситуациям другого социально-исторического типа, и к российской ситуации – в том числе. К примеру, отец русского марксизма Плеханов полагал (а вслед за ним и основная масса социал-демократов России), что главная задача русских

⁶ Там же. С. 419.

социалистов – подставить конкретные «арифметические» значения в исходную, общую, «алгебраическую», формулу марксизма.

Ленин (и вслед за ним Бухарин) совсем не против этих исходных, всеобщих марксистских формул. Как и Маркс, они убеждены, что возникновение нового («социалистического») общества возможно только на высокоразвитой экономической базе и при высокой степени культурности трудящихся классов. Но (и в этом суть их добавления к идеям Маркса) это движение к высокоразвитости и культурности не обязательно должно происходить в рамках капиталистической формации. «Педанты» от марксизма, абсолютизируя Марксову формулу, пишет Бухарин, «не понимают того основного, если с точки зрения всемирной истории проделывать пролетарскую революцию должны развитые страны, страны с чрезвычайно развитой экономической базой, вполне и вполне «достаточной» для перехода к социализму (хотя никто не может сказать, с какой ступеньки развития начинается эта достаточность), то могут быть *особые исключения*, определяемые *своеобразием* внутренней и внешней обстановки. Это своеобразие обстановки как раз у нас и имело место, ибо у нас революция была связана, во-первых, с мировой войной, во-вторых, с началом гигантского революционного брожения среди сотен миллионов восточных народов и, в-третьих, с особо благоприятным сочетанием классовых сил внутри страны, сочетанием, которое Маркс еще в пятидесятых годах прошлого века считал самым выгодным, а именно сочетанием *крестьянской войны с пролетарской революцией*. И вот эти-то обстоятельства, эта совершенно своеобразная и оригинальная обстановка была основой для всего развития нашей революции. Сделалось возможным такое оригинальное положение, что мы *сначала* завоевываем себе «рабоче-крестьянскую власть», а *потом* уж должны «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»⁷. И это не просто какое-то малозначительное изменение *последовательности* преобразований: политические изменения идут не вслед за

⁷ Там же. С. 421-422.

экономическими и культурными (как это традиционно полагалось для западноевропейских стран), а экономика и культура идут вслед за политикой. Изменение *следования* ведет к новому пониманию формационных ступеней, по которым может двигаться общество к новой («социалистической») формации. Эти, порождаемые практикой и не предусмотренные прежней теорией «следования», формационные образования поначалу пытались представить некими «переходными формами». Но, по мере исторического развития, всё больше выяснялось, что эти «временные», «переходные» формы имеют тенденцию задерживаться в истории надолго, обретая стабильные, устойчивые черты, совокупность которых может быть охарактеризована как особое, специфическое *формационное образование*. Это предощущал, это провидел Ленин уже в эпоху революции 1905 года. Так, уже, рассматривая возможный итог революции 1905 года, Ленин провидел возможность возникновения социального организма особого типа, который не есть не капитализм и не социализм, а государственная система, в которой будут доминировать рабочий класс и крестьянство, где будут сочетаться элементы рыночного крестьянского хозяйства и государственная экономика, контролируемая рабочим классом («революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»). В этом же ряду стоят высказанные в послеоктябрьский период ленинские идеи особого типа «государственного капитализма», допускающего развитие частнособственнических, предпринимательских отношений в условиях политического господства трудящихся классов. Наконец, концепция нэпа, сочетающая элементы рыночной стихии и государственной плановой экономики. И такой, базирующийся на нэпе, социальный организм, по утверждению Ленина, вполне мог существовать в течение нескольких поколений, и в рамках его вырастала бы высокопроизводительная экономика, осуществлялась «культурная революция», сближались, выравнивались интересы социальных слоев, формировалось правовое государство. Особая – не капиталистическая, но и не социалистическая - формация!

«Эти чрезвычайно смелые рассуждения, - писал Бухарин о ленинской стратегии нэпа, - необходимы Владимиру Ильичу и для того чтобы протянуть отсюда нитку для дальнейшего»⁸. Подхватывая эту, Ильичом протянутую, «нитку», Бухарин и начинает процесс «дальнейшего» развития этих ленинских идей.

Главнейшая из работ такого рода - «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925 г.). «Когда я ее писал, - однажды заметил он, - то включил в нее мои разговоры с Лениным о статьях, им опубликованных, и о тех, которые еще не были написаны. Я пытался в этой брошюре ограничиться только передачей мыслей Ленина так, как он их мне излагал. Там не было, конечно, цитат. Мое понимание его мыслей отражалось в том, как я писал. Это было мое изложение мыслей Ленина, как я их тогда понимал... Что касается «Политического завещания Ленина» (работа Бухарина 1929 г. – авт.), то дело тут было совсем иное. К этому времени у нас уже разгорелись большие споры в политике по отношению к крестьянству, и я должен был написать только о том, что Ленин уже напечатал. В основном это было, конечно, то же самое. Но первая брошюра шла дальше, и изложенный в ней круг идей был шире, цельнее. Они не ограничивались тем, что Лениным было уже написано, а давали сводку того, что он думал и высказывал в беседах со мной»⁹.

И Бухарин подчеркивает, что важнейшей особенностью этого нового, специфического социального организма, этого нового, специфического формационного образования будет особый тип отношений между различными классами и слоями трудящихся (крестьянства и рабочего класса – в первую очередь). В выдающейся своей работе «Заметки экономиста»(1928 г.) Бухарин подробнейшим образом разберет этот возможный тип отношений, который способен наиболее эффективным образом обеспечить развитие всех секторов народного хозяйства и формирование нового уровня культуры. И мы об этой стороне бухаринской концепции еще подробно расскажем.

⁸ Там же. С. 422.

⁹ См. Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. М., 1993. С. 62-63.

Но прежде следует сказать о разрабатываемых (вслед за Лениным) Бухариным главных *принципах* политики в этом специфическом формационном организме, о новом **общем** подходе к социально-историческому творчеству. «Главные пункты его (Ленина) завещания, - заметит Бухарин, - была мысль о возможности прийти к социализму, не применяя больше насилия против крестьянства», против «населения России» в целом.¹⁰ И вообще, по мнению Бухарина, социализм, как и путь к нему, должен быть путем *демократии и гуманизма*. **Демократический, гуманный социализм** – эта формула становится главной в концепции Бухарина.

«Одержим идеей гуманизации общества»

Так характеризовала доминирующую установку Бухарина в послеленинский период Анна Михайловна Ларина, с которой Николай Иванович делился самыми сокровенными своими думами.

И здесь не было преувеличения. Зрелый Бухарин действительно был «одержим» идеей гуманизма, что в те годы было не слишком популярным настроением в среде большевиков, в традициях социально-классового («революционного») насилия – в эпоху борьбы с царизмом, с Временным («буржуазным») правительством, в дни Октября и грянувшей после него гражданской войны, в условиях «военного коммунизма» (с насильственным изъятием производимого крестьянами продукта – «во имя победы в войне с помещиками и капиталистами»). Но теперь, после окончаний гражданской войны, мы должны, вслед за Лениным, провозглашает Бухарин, трансформироваться из «партии войны» в «партию мира». Вся наша деятельность, неустанно повторяет он, должна вдохновляться теперь идеями социального мира, демократии и гуманизма. И гуманизм должен стать не конъюнктурной, временной политикой, а стержнем нашей теории, основой движения к новому (социалистическому) обществу.

«Идеи гуманизма, - вспоминал о беседах с Николаем Ивановичем один из его доверительных собеседников (историк,

¹⁰ Там же, с. 62-63.

социал-демократ Б.И. Николаевский), - были высказаны Бухариным в очень элементарных терминах, но с большой горячностью. Он настаивал на важности именно такого подхода, и для меня скоро стало ясным, что гуманистическая борьба против «постоянного принуждения» являлась для него не только борьбой против внешнего врага — нацизма, но также против внутреннего врага, против попыток внутри партии большевиков пересмотреть гуманистические основы марксизма, против стремления дегуманизировать последний»¹¹.

И далее – еще более важное свидетельство того же собеседника: «Во время пребывания в Париже (в 1936 году, куда Бухарин был послан по постановлению Политбюро для организации покупки архива Карла Маркса – авт.) Бухарин выступил с публичным докладом. В этом докладе... Бухарин с еще большей силой подчеркивал важность «пролетарского гуманизма». Мне привелось посетить его, когда он заканчивал подготовку к этому докладу. «Если хотите, сказал он, я прочту то, что только что написал: это имеет прямое отношение к нашим разговорам». Я, конечно, хотел, и он прочел мне несколько отрывков. «Да, — заметил ему я, — это действительно то, о чем мы с вами уже несколько раз говорили, — это возвращение к гуманизму, и притом к самому элементарному гуманизму, против которого все коммунисты еще так недавно бунтовали». Бухарин не отрицал. Он признавал, что первые годы революции для них для всех были действительно годами сплошного бунта против гуманизма. Настроениями такого бунта были захвачены не только такие люди, как Бухарин и Горький, но и Блок, и многие другие. Но все проходит соответствующие этапы развития. В начале революции на очереди стояло разрушение старого — и потому был необходим бунт против гуманизма, который ставил грани стихии разрушения. Теперь мы вошли в совсем другой период, и перед нами, как самые важные, стоят задачи не разрушения, а созидания, И теперь именно гуманистические идеи должны пропитать всю нашу политическую

¹¹ Там же. С. 66.

и просветительную работу... Надо вернуть марксизм к его гуманистическим основам»¹².

«Гуманизм Бухарина, - отмечает его собеседник, - как мне казалось тогда, в значительной мере был заострен благодаря жестокостям насильственной коллективизации и связанной с нею борьбе внутри коммунистической партии. Я вспоминаю ряд эпизодов, на которых был основан это вывод. Как-то раз я заметил, что об ужасах коллективизации мы за границей знали достаточно много. Бухарин за это на меня по-настоящему рассердился и почти резко заявил, что все, что напечатано за границей о коллективизации, дает лишь очень слабое, бледное представление о том, что происходило в действительности. Он был в точном смысле этого слова перегружен впечатлениями от встреч и бесед с активными участниками кампании по раскулачиванию деревни, которые были буквально потрясены пережитым. Многие коммунисты тогда кончали самоубийством; другие — сходили с ума. Значительное число уходило от политической деятельности. «Я и до коллективизации видел много тяжелого, — говорил Бухарин. — В 1919 г., когда я настаивал на лишении Чека права на расстрелы, Ильич провел решение о посылке меня представителем Политбюро в коллегию ВЧК с правом вето». «Пусть пойдет туда сам, — сказал Ленин, — дадим ему возможность сделать попытку ввести террор в границы. Все мы будем только рады, если это ему удастся». «И действительно, — продолжал Бухарин, — я видел вещи, иметь дело с которыми не пожелал бы и врагу. Но 1919 год никак нельзя сравнить с 1930—1933 гг. В 1919 г. мы сражались за нашу жизнь. Мы убивали, но убивали и нас. Мы каждый день рисковали своими головами и головами близких ... А в годы коллективизации шло хладнокровное уничтожение совершенно беззащитных людей, с женщинами и детьми». «И тем не менее, - продолжает Николаевский знакомить нас с мыслями Бухарина, - социалистические последствия коллективизации оказались много страшнее даже ужасов ее проведения. Произошли глубокие перемены в психическом облике тех коммунистов, которые

¹² Там же. С. 67.

проводили эту кампанию: кто не сходил с ума, превращался в человека-машину. Для них террор становился нормальным способом управления. «Они больше не человеческие существа, — говорил Бухарин, — а только зубчики страшной машины»... Особенно в деревне происходит настоящее озверение людей — и в результате идет процесс, который Бухарин называл процессом превращения советского государства в какую-то империю «железной пяты» Джека Лондона»¹³.

Эти свидетельства полностью совпадают с тем, что пишет в своих воспоминаниях Анна Михайловна Ларина: «Во время коллективизации, проезжая Украину, на маленьких полустанках Н.И. видел толпы детей с распухшими от голода животами. Они просили милостыню. Н.И. отдал им все свои деньги. Это было летом 1930 года. По приезде в Москву Н.И. зашел к моему отцу и, рассказывая об этом, с возгласом: «Если более чем через десять лет после революции можно наблюдать такое, так зачем же было ее совершать!» — рухнул на диван и истерически зарыдал. Мать отпаивала его валериановыми каплями»¹⁴. «Новый мир, как его представлял Бухарин, должен был быть осуществлен во что бы то ни стало, что вообще, по его мнению, не означало «чего бы это ни стоило, любой ценой». Бухарина всегда мучили нравственные коллизии, он видел трагическую сторону самых человеческих идей. И если в первые послереволюционные годы, в годы Гражданской бывало, что при столкновении двух миров Н.И. не находил, возможности бороться за свои идеалы исключительно «духовным оружием» и даже оправдывал «слово товарища Маузера», то в дальнейшем он был убежден, что цели возможно достигнуть с наименьшими издержками. К этому были направлены все его помыслы, теоретические искания и политическая деятельность»¹⁵.

Подтверждение всех этих свидетельств – Доклад Бухарина, сделанный в Париже 3 апреля 1936 года, «Основные проблемы современной культуры». Доклад этот был поистине гимном

¹³ Там же. С. 68-69

¹⁴ Ларина-Бухарина Анна. Незабываемое. М., 2002. С. 128-129.

¹⁵ Там же. С. 130.

нравственной политике, *гуманизации* общественного процесса. Свои задушевные мысли о «социалистическом гуманизме» Николай Иванович высказывает в контексте противопоставления своей позиции - позиции тоталитарной культуры фашизма. Но когда я читаю эту речь Бухарина, зная уже о занесенной над ним «секире» сталинского НКВД, то ясно чувствую, что под «тоталитарной» системой, под «режимом политического насилия» он подразумевает не только режим германского фюрера, но и его сталинского двойника. Сегодня именно так читается его доклад. В нем он просто криком кричит о «дегуманизации» современного общества. Отмечает, что «ввод конвейера», «жесткая бюрократизация», «рождение армии чиновников», «всеобщее господство вещи над трудящимися» - всё это превратило жизнь массы людей в механически-расчетливое прозябание без инициативы, без творческих устремлений»; «люди отличаются друг от друга только номером»¹⁶. (И это, как понятно, характеризует не только западные тоталитарные системы. Здесь несомненно содержатся и важные характеристики сталинщины, превращавшей страну в огромный ГУЛАГ). И кульминация: **«Проблемы восстановления человечества, идеи гуманизма – это невероятно важная проблема для всей культуры»**¹⁷.

Важно заметить при этом, что «гуманизм» Бухарина не синоним политической дряблости и мягкотелости. Бухарин не просто за «гуманизм». Он за *политический* гуманизм, за гуманистическую *политику*. Прокламируемые им нравственные ценности вовсе не обесценивают ценности политические. Он за *политику*, но *политику нравственную*. Он не из тех, кто совершенно отрицает необходимость политического насилия, политического принуждения. Он не утопист, он отдает себе отчет, что, на данном уровне развития человечества, на данном уровне культурности людей без государственного (политического) насилия в обществе, в сфере согласования общих и частных

¹⁶ Бухарин Николай. Революция и культура. М., 1993. С. 292.

¹⁷ Там же. С. 297

интересов не обойтись. Но он за то, чтобы *максимально* (насколько это возможно для данных обстоятельств, для данной эпохи) *минимизировать* насилие. Политика, стремящаяся к максимальной минимизации насилия, политика, которая, будучи в основе своей, институтом насилия, стремится сузить зону своего действия, всё больше уступая место нравственным, ненасильственным, методам согласования интересов людей в обществе – это и есть, по Бухарину, *гуманистическая политика*.

Это принципиально различные политические стратегии. **Сталинская** – рассматривающая, на макиавеллистский манер, политику как способ действия «по ту сторону нравственности», совершенно не задумывающаяся о *мере и характере* насилия («цель оправдывает любые средства!»); показательно сталинское предписание карательным органам: не останавливаться перед применением *пыток*, добиваясь нужного следствию «признания» арестованных). И – **бухаринская**: постоянно определять *меру* допустимого насилия, в каждом шаге сводить его к минимуму, всё более расширяя сферу нравственного, т.е. - ненасильственного, регулирования отношения людей в обществе.

Это – общий принцип бухаринской политической философии: применяемые «средства» не безразличны по отношению к «цели», характер применяемых средств предопределяет результат. Дубиной в Рай не загоняют. Дубина – это орудие дьявола. А движение, направляемое дубиной, - есть просто прямая дорога в Ад.

Это всё общие принципы бухаринской гуманистической политики. Но важно уметь перевести замечательные *общие* принципы на язык *конкретной* политики, применительно к данному месту и к данному историческому времени. И – убедить людей в перспективности предлагаемой тобой стратегии, выявив ее преимущества перед другими предлагаемыми альтернативами.